

ГРИФ СЕКРЕТНОСТИ СНЯТ

ДЕЛО № 12-011

КУРЬЕЗЫ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

Записки дипломата

Т.Ф. Дмитричев

(ГОД)

ХРАНИТЬ

вечно

ЛЕТ

Тимур Федорович Дмитричев
Курьезы холодной войны.
Записки дипломата
Серия «Гриф секретности снят»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5975791

Т.Ф. Дмитричев. Курьезы холодной войны. Записки дипломата: Вече;

Москва; 2012

ISBN 978-5-9533-6034-0

Аннотация

Ко времени начала рассказываемых в данной книге событий ее автор уже в течение трех с лишним лет, а точнее с марта 1963 года, работал в качестве сотрудника международного Секретариата Организации Объединенных Наций в Нью-Йорке. За эти годы ему в этом качестве удалось немало поездить не только по США, но и побывать в целом ряде стран Европы и Латинской Америки. С кем только не сталкивала судьба дипломата! Че Гевара и Сулов, Юрий Нагибин и Генри Киссинджер, Андрей Миронов и Косыгин, Нельсон Мандела и Александр Галич... Словно в калейдоскопе сменяли друг друга города и страны, политики и поэты, магнаты и актеры. И на этом фоне творилась «большая политика», которая, оказывается, тоже не чужда курьезов и неожиданностей.

Содержание

Часть первая	4
Билеты у племянника Сергея Рахманинова	8
Мексиканский дебют	13
Небезопасные приключения в Колумбии	21
Моё увлекательное знакомство со страной инков	44
В стране «на краю земли»	56
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Т.Ф. Дмитричев

Курьезы холодной войны.

Записки дипломата

Часть первая

Необыкновенное путешествие

по Южной Америке

Ко времени начала рассказываемых ниже событий я уже в течение трех с лишним лет, а точнее с марта 1963 года, работал в качестве сотрудника международного Секретариата Организации Объединенных Наций в Нью-Йорке. За эти годы мне в этом качестве уже удалось немало поехать по Соединенным Штатам Америки и побывать в целом ряде стран Западной Европы.

Новый, 1966 год готовил для меня совершенно невероятный подарок – моё первое, довольно длительное и романтически страшно увлекательное путешествие в Мексику и страны Южной Америки. В те времена строгого советского режима подобное могло скорее присниться, нежели состояться в реальной жизни.

Для меня лично желание побывать в Латинской Америке

было заветной мечтой ещё со времени моих школьных лет. Первое знакомство с музыкой этих стран, услышанной вначале в кустарных записях на рентгеновских снимках, а впоследствии на пластинках и магнитофоне, ещё больше подхлестнуло моё стремление побывать в тех далёких и для меня удивительно романтических краях на другом конце света. Отсюда же проистекала и моя внутренняя тяга к самостоятельному изучению их открытий, истории, географии и литературы, что в те времена в советских условиях было довольно непростым делом, ввиду недоступности материалов или их скудного содержания. Эти же причины побудили меня и к самостоятельному изучению сначала испанского, а затем и португальского языков, которые меня привлекали не только своей экзотической красотой, но и как средство возможного общения с людьми из этих стран и их более глубокого понимания. Маленьким окошком в мир жизни этих стран были редкие фильмы из Аргентины и Мексики в наших кинотеатрах, а также в Испанском клубе Москвы на улице Правды (Клуб им. Чкалова, где потом разместилось казино), куда интересовавшиеся студенты нашего факультета могли иметь доступ по протекции наших преподавателей – испанских эмигрантов.

В немалой мере целый год работы на Кубе существенно приблизил меня к осуществлению моего давнего и заветного желания побывать в нескольких странах Латинской Америки и их лучше узнать. Да, Куба стала для меня важным ша-

гом на этом пути, но только первым шагом. Впереди ещё было более 20 неизведанных мной и манящих своей романтической таинственностью стран Центральной и Южной Америки, но они казались для меня недоступными. Даже ООН почти не проводила там каких-либо международных конференций. Но вот в 1966 году Бразилия вдруг сломала это бездействие, пригласив Организацию провести одну из её конференций в своей новой столице – Бразилиа. Ещё более интересным для меня оказалось то, что благодаря моим знаниям испанского и португальского руководитель нашей службы назначил меня в эту командировку вместе с Марией Николаевной Джейквит. Радости моей не было предела.

Получив назначение в командировку в Бразилию, я сразу же решил изучить возможность использовать такой уникальный шанс, чтобы за счёт части отпуска и на собственные деньги побывать и в других латиноамериканских странах. Приступив к выбору маршрута, я сначала определил те страны, которые меня привлекали в первую очередь. Затем я провёл беседы и консультации с целым рядом моих латиноамериканских коллег, давших мне не только много ценных советов, но и адреса и телефоны своих родственников, друзей или знакомых в своих странах, которым они хотели передать свои посылки.

Вооружённый всей этой полезной информацией, я разработал свой длинный маршрут: Мексика, Панама, Колумбия, Перу, Чили, Парагвай, Бразилия и Венесуэла! Вместе с са-

мой трёхнедельной командировкой в Бразилиа это путешествие должно было занять полтора месяца! Получив сначала согласие на такую удлинённую поездку со стороны моего руководителя в ООН, я отправился в бюро путешествий Кука, отделение которого, размещавшееся прямо в здании Секретариата, занималось обслуживанием сотрудников Организации.

Билеты у племянника Сергея Рахманинова

Заведующим этим отделением уже многие годы состоял Сергей Сергеевич Зилотти – племянник композитора Сергея Рахманинова и внук крупнейшего русского музыканта начала XX века Александра Зилотти, который был одновременно и организатором популярных музыкальных концертов, получивших название «сезонов Зилотти». Надо сказать, что моё знакомство с Сергеем Сергеевичем произошло довольно случайно. Как и почти все другие руководители отделов и подразделений в здании Секретариата, на рождественские праздники он тоже устраивал приём для своих сотрудников, на который всегда непременно приглашались гости из числа работников Секретариата – клиентов его бюро.

На первый же такой приём после моего поступления на работу в ООН получил приглашение и я, видимо, в качестве нового клиента. Согласно местной традиции при входе в зал приёма гостей всегда встречает его организатор. Когда при входе я представился хозяину торжества по-английски, назвав своё имя и фамилию, а Сергей Сергеевич ответил мне по-русски, я не преминул спросить его о его возможном родстве с нашим известным музыкантом. Зилотти подтвердил, что он его внук, и выразил большое удивление, что в Советском Союзе ещё помнят его знаменитого деда. Поскольку

наш разговор создал некоторое скопление подходивших гостей перед входом, Сергей Сергеевич извинился за перерыв в беседе и обещал найти меня в зале приёма несколько позже. В ходе вечера нам удалось поговорить с Зилотти более подробно о нём самом и его знаменитых родственниках.

Мы с ним стали добрыми знакомыми, и всякий раз, когда я приходил в его отдел по поводу поездок в отпуск или в командировки, Сергей Сергеевич всегда поручал оформление моих билетов своему самому опытному сотруднику, а при прощании неизменно давал мне каждый раз новую сумку какой-либо авиакомпании. На его приёмах я стал завсегдаем, что давало нам с ним возможность продолжать наши интересные беседы. В 1973 году в СССР торжественно отмечалось столетие рождения Сергея Васильевича Рахманинова. Сестра Рахманинова – мать Сергея Сергеевича и он сам были приглашены на участие в этих торжествах в Москву и Ленинград, но из-за плохого состояния здоровья более чем 90 летней Рахманиновой-Зилотти они поехать в Советский Союз не смогли.

Уже немало лет спустя после этого события наш писатель Юрий Нагибин, с которым мы вместе летели из Москвы в США, в ходе разговора сказал, что он работает над сценарием фильма о Рахманинове и во время пребывания в Америке хотел бы разыскать его родственников. Когда я сказал ему, что был знаком с его племянником, находившимся к тому времени уже несколько лет на пенсии где-то под Нью-Йорк-

ком, Нагибин загорелся желанием с ним встретиться и попросил меня устроить это дело. Пообещав попробовать договориться о такой встрече, я дал Нагибину свой телефон, чтобы он смог позвонить мне через несколько дней с рассказом о результатах моей попытки, так как сам Нагибин с женой Аллой после пересадки в Нью-Йорке летел в Калифорнию и своих координат там не знал. Разыскать Зилотти и уговорить его на встречу с Нагибиным мне удалось, но сам Нагибин так и не объявился...

Как случилось и раньше, встретивший меня и на этот раз в своём бюро Сергей Сергеевич Зилотти, узнав о моем сложном маршруте, поручил его проработку своему ведущему сотруднику и попросил меня прийти за результатами на следующий день. Когда я появился в бюро Зилотти снова, все полёты, перелёты и гостиницы были предварительно определены и состыкованы почти полностью в соответствии с моими пожеланиями. Дополнительная стоимость моих основных путевых расходов на поездку составляла примерно сумму моей месячной зарплаты. Эта цифра была для нас довольно внушительной, и я решил сначала обсудить дело с Наташей. Она, зная, как много значила для меня эта поездка, настойчиво уговаривала меня не жалеть на неё денег. Теперь предстояло получить разрешение на это из ряда вон выходящее путешествие от нашего представительства при ООН.

Как полагалось по заведённому для нас порядку в подобных случаях, я подал своё заявление о командировке, ука-

зав весь запланированный маршрут, курировавшему наше подразделение Секретариата ООН заместителю постоянно-го представителя Евгению Николаевичу Makeеву. К этому времени Евгений Николаевич меня уже неплохо знал и при случайных встречах всегда доброжелательно интересовался моими делами. Поскольку, когда я пришёл, чтобы оставить своё заявление для его решения, к нему в канцелярию, он оказался на месте, его помощник предложил мне зайти с заявлением самому. Прочитав заявление, Евгений Николаевич без всяких дополнительных вопросов сразу подписал его и, передавая мне назад бумагу, участливо и как-то по-отечески сказал: «Вы там будьте поосторожнее. С целым рядом из этих стран у нас нет ни дипломатических, ни других отношений. Да, маршрут у вас интересный. Желаю приятного путешествия».

Поблагодарив Евгения Николаевича, я словно на крыльях помчался в отдел кадров Представительства и, оставив там своё подписанное руководством заявление, полетел в Секретариат, где сразу направился к Зилотти для окончательного оформления своей заветной поездки. Через пару недель, попрощавшись с Наташей и Андреем, которых я оставил в нашем любимом Рай-Биче на берегу океанского залива в окружении наших друзей и соседей по даче, я уже находился на пути в Мексику. Всё своё длительное путешествие мне предстояло совершить совсем одному, что во многих отношениях делало его менее удобным и даже более дорогостоящим.

Но поскольку я при этом погружался в совершенно новый и столь интересный для меня мир, отсутствие компании меня не очень тяготило, тем более что во время поездки в разных странах возникали новые знакомые и попутчики.

Мексиканский дебют

Мексика... Мехико (México) – в испанском произношении. Это название происходит от имени бога войны ацтеков Мекситли, который согласно легенде привёл их племена на берега озера Теночтитлан, где они основали в его честь город Мехикко Теночтитлан. Оно постепенно заменило первоначальное название «Новая Испания», которое было дано этой территории, завоевавшим её бесстрашным конкистадором Эрнандо Кортесом в 1519—1521 годах.

Сегодняшняя столица страны Мехико во время завоевания её испанцами находилась полностью в окружении вод озера Теночтитлан, и доступ к ней был возможен только на лодках или по проложенным к ней дамбам, что в свое время чуть не погубило всю экспедицию Кортеса. В ходе неоднократных штурмов и боёв прекрасный столичный город ацтеков, восхищавший испанских завоевателей своей необыкновенной уникальной красотой, был ими практически полностью разрушен.

Построенная испанцами на его месте новая столица постепенно опускалась в землю ввиду исчезающих вод озера и перемещалась на более твёрдые участки. В наше время когда-то большое озеро Теночтитлан, состоявшее из пяти соединённых между собой озёр, совершенно высохло, оставив небольшой экзотический рукав озера Ксочимилко в приго-

роде Мехико, известный своими плавающими яркими цветниками, садами и огородами. В некоторых районах этой столицы можно видеть целые крупные здания, уже серьёзно ушедшие в грунт, как, например, Музей изящных искусств с муральями и картинами Диего Риверы, Альфредо Сикейроса и Ороско.

Здесь я остановился в очень уютном и чистом пансионе одной пожилой француженки, которая была хорошей знакомой моей коллеги по работе Нины Рубинштейн, настоятельно рекомендовавшей мне это место. Для хозяйки от Нины я привёз из Нью-Йорка сувенир и письмо, что содействовало её большому участию в планировании моих туристских походов и поездок. Благодаря её советам я мог гораздо лучше организовать своё время для посещения музеев и достопримечательностей города и определить, что и где в Мексике есть, чтобы избежать почти повальной для иностранцев в этой стране «мести Монтесумы» – сильных расстройств желудка, названных так по имени последнего вождя ацтеков, вероломно свергнутого испанцами.

Мексика – это, пожалуй, единственная страна Латинской Америки, где уже в то время официально высоко и с гордостью оценивались богатство и значение культуры индейцев, а также их роль в формировании страны. Об этом, например, совершенно явственно говорили и само название великолепного «Музея индейцев» и его содержание. Та же самая идея проходила в ярком и самобытном творчестве лучших и все-

мирно известных мексиканских художников Риверы, Сикей-роса, Ороско и других. Именно им принадлежит благородная инициатива, выдвинутая ими в Барселонском манифесте ещё в начале 20-х годов ушедшего столетия – вынести искусство из камерного окружения стен музеев, куда не могли ходить бедные люди, на огромные поверхности стен домов и университетских зданий, которые могли видеть без входной платы все, кто проходили мимо них. Ознакомление с работами этих гигантов-новаторов является одной из наиболее интересных и привлекательных сторон посещения Мексики.

Другая, конечно же, представлена в удивительно богатом историческом, культурном и художественном наследии ацтеков и других индейских народов этой большой и разнообразной страны. Помимо посещения ряда музеев по этой тематике в столице мне удалось съездить также на очень впечатляющие пирамиды Солнца и Луны. Трудно не восхищаться тем высоким уровнем развития цивилизации, которого достигли ацтеки и другие народы, населявшие территорию сегодняшней Мексики до прихода их испанских завоевателей.

Опять-таки в отличие от других латиноамериканских стран, где испанское завоевание и господство воспеваются в памятниках, названиях и истории, в Мексике проявляется определённое неприятие колониального прошлого. Очень любопытно и показательно в этом смысле отношение мексиканцев к завоевателю страны Эрнану Кортесу.

Поразительно, например, что среди всевозможных памят-

ников прошлого в Мексике нигде не существует какого-либо памятника этому блестящему испанскому конкистадору. Нигде на всей довольно крупной по площади территории Мексики нет ни одного города, ни одной деревни и даже ни одной улицы с именем Кортеса. В самой столице лишь в начале 60-х годов прошлого века и только с тыловой стороны больницы «Хесус Назарено», основанной Кортесом, была открыта скромная мемориальная доска, но только чтобы обозначить место первой встречи конкистадора с императором ацтеков Монтесумой, когда он во всём своём царском великолепии и величии был вынесен из своего дворца на носилках навстречу подходившему по дамбе озера Текскоко отряду испанцев. Даже останки Кортеса испытали необычную судьбу. Их неоднократно перемещали ещё во время колониального периода, а после становления независимости их тайно, под покровом ночи, пришлось снова переместить и безымянно замуровать глубоко в стене церкви Сан-Франциско столицы, чтобы спасти от возможного глумления над ними со стороны патриотов, угрожавших это сделать. До 1946 года место их захоронения оставалось засекреченным, но даже сегодня о нём в Мексике почти никому не известно.

В Мексике сохранилось немало старых церквей и соборов, в том числе от колониального периода, которые продолжают привлекать туристов. С большим интересом я побывал в Музее мексиканской революции, посмотрел и такие достопримечательности как замок Чапултепек, Тлателолко и плавучие

цветники и сады Ксочимилко. Проявляя немалую осторожность и следуя совету моей хозяйки, я нашёл «надёжные» ресторанчики, где без последствий для желудка попробовал местные блюда – такос и бурритос, но мексиканская кухня оказалась мне не по вкусу. Большое наслаждение мне доставляло слушание мексиканских песен в исполнении марьячи – мужских музыкально-вокальных групп в экзотических мексиканских сомбреро и костюмах, которые поют в ресторанах, на концертах и в других местах скопления публики. Их нанимают на разные торжества, праздники и для исполнения серенад любимым девушкам и дамам.

Поскольку Мексика была моей второй испаноговорящей страной после Кубы, я мог для себя констатировать не только различие в их акцентах и наличие локализмов, но и полное несоответствие значений некоторых одинаковых слов. Вспоминаю в этой связи, как я в полный тупик поставил нескольких прохожих, а потом группу пассажиров, ожидавших городского транспорта на остановке, когда я спрашивал, на какой «guagua» я могу доехать до центра. Их удивление мне стало совершенно понятным, когда я выяснил, что это слово, означающее на Кубе автобус, в Мексике означает маленькое дитя, а автобус по-мексикански будет «camión», тогда как на Кубе это означает грузовик. Подобные языковые различия я впоследствии отмечал во всех других странах испанского языка. В некоторых случаях выпускаемые в них книги на сугубо местную тематику, как, например, известный

роман «Донья Барбара» венесуэльского писателя и бывшего президента страны Ромуло Гальегоса, сопровождаются глоссарием, чтобы облегчить их понимание в других странах испанского языка. Кстати, ацтекам многие языки обязаны понятием и в разных вариантах произношения словом «шоколад» (в оригинале «chocolatl»). Это был удивительно питательный напиток, которым пользовались войска ацтеков при совершении дальних переходов, позволявший им несколько дней обходиться без других продуктов. Обнаружив ценные свойства шоколада, испанские конкистадоры быстро ввели его в собственное потребление, затем он получил распространение в Европе, а постепенно завоевал и остальной мир.

После четырёх насыщенных дней в Мексике я должен был ехать в Панаму. Однако панамскую визу, так же как и визу в Парагвай, в Нью-Йорке мне выдать не успели, а может, и не хотели выдавать из-за моего советского гражданства. Так что в моём маршруте пришлось сделать некоторые поправки. Надо сказать, что во времена холодной войны с советским паспортом получить туристскую визу индивидуально было очень сложно, в первую очередь по политическим мотивам, не говоря уже о требованиях иметь обратный билет, заранее оплаченную гостиницу, медицинскую страховку и т.д. В случае поездок в третьи страны для советских сотрудников Секретариата ООН спасение было в паспорте, который в этих целях выдавала наша Организация. Для въезда в некоторые страны, как, например, в Голландию, Финлян-

дию или Скандинавию, с этим паспортом виза не требовалась вообще. В большинстве же случаев и с ним виза была нужна, но за её запросом и получением в соответствующие консульства обращалась паспортная служба ООН. В самом паспорте ООН гражданство его носителя не упоминалось, так что для сотрудников Секретариата проблем с визами, как правило, не возникало.

Я вылетел в Панама-Сити, где теперь мне предстояла лишь пересадка, чтобы оттуда направляться в столицу Колумбии Боготу. В течение двухчасового ожидания другого самолёта в аэропорту столицы Панама я мог даже походить и погулять на улице около терминала, и никто меня, к моему удивлению, не останавливал. При таком порядке охраны я мог, может быть, даже выехать в сам город без всякой визы, но вот попасть без проверки документов на самолёт, видимо, было всё-таки нельзя. В Панаме я собирался совершить поездку по каналу (около 70 км длиной) от тихоокеанского побережья до Атлантики и посмотреть столицу. И то и другое пришлось увидеть только с воздуха при посадке и взлёте...

Сам Панамский перешеек был впервые пересечён от Карибского побережья замечательным испанским исследователем этой части нового континента капитаном Васко Нуньесом де Бальбоа в 1513 году, когда он вышел через него на противоположную сторону к новым морским просторам, став, таким образом, первым европейцем, увидевшим Тихий, или, как его тогда называли, Южный, океан. Благодород-

ный Бальбоа пал жертвой зависти своих менее удачливых соперников по первой здешней испанской колонии и её завистливого и жестокого губернатора Педрариаса де Авила, на дочери которого он должен был жениться. Желая присвоить себе славу первооткрывателя Тихого океана и покорителя этих земель, Педрариас приказал казнить своего будущего зятя под вымышленным предлогом. Имя Бальбоа сохранилось в названии денежной единицы Панамы.

В первые годы XX века, запланировав строительство канала через Панамский перешеек и желая его сохранить под собственным контролем, Соединённые Штаты силой отрезали северную часть территории Колумбии и объявили её новым государством под названием Панама по имени её самого крупного города Панама-Сити. Само слово «Панама» происходит от названия бывшей здесь уже во времена Бальбоа маленькой рыболовецкой деревни, которое на языке местного племени тупи означало «бабочки». Эти невероятных раскрасок и самых разных размеров красавицы до сих пор здесь водятся в больших количествах...

Следующим этапом моего путешествия стала Колумбия.

Небезопасные приключения в Колумбии

Рейс самолёта теперь давно исчезнувшей американской компании Брэнифф, на который я пересел в Панама-Сити, шёл из Лос-Анджелеса в Лиму с последующей посадкой в Боготе. Основную часть его пассажиров составляла большая группа американцев в тропических шлемах, рубашках и шортах, которые, как выяснилось, летели охотиться в джунглях Колумбии на притоках могучей Амазонки. Моими соседями оказались руководитель одного из крупнейших перуанских профсоюзов и его помощник, которые возвращались в Лиму с конференции в Панаме. В ходе завязавшегося разговора в ответ на их расспросы я рассказал им о себе, а они говорили о своей работе, о положении в Перу, о рабочем и профсоюзном движении, о своих семьях и делах. Сначала они не могли поверить, что я из Советского Союза. Потом, осознав, что я говорю серьёзно, они признались, что это их первая встреча с человеком из СССР – страны, перед которой они испытывали настоящее благоговение в связи с тем, что она для них олицетворяла государство рабочих и крестьян. Ввиду одного этого факта они сразу же зачислили меня в число своих друзей, подробно расспрашивали о нашей жизни и профсоюзах, а узнав, что после Колумбии я собирался приехать в Перу, обещали меня непременно встретить

и во всём поспособствовать. Мы расстались с ними в Божете как старые друзья.

Итак, я прибыл в Колумбию... Эта крупная по территории страна (она в два раза больше Франции) в северо-западной части Южной Америки унаследовала своё название в честь великого Колумба в 1819 году от более крупного региона, в который она входила. Её карибское побережье было открыто и впервые обследовано тем же замечательным рыцарем джунглей Васко Бальбоа, который первым из европейцев увидел Тихий океан, преодолев трудный Панамский перешеек. Вплоть до освобождения от Испании и ещё некоторое время спустя, когда освободитель этой части континента Симон Боливар пытался объединить возникшие на месте бывшей Новой Гранады автономные регионы, судьба этой страны была тесно переплетена с будущими Венесуэлой и Эквадором...

В 1535 году Педро де Луго – аделантадо города Санта-Марта, основанного на северном побережье сегодняшней Колумбии всего за десять лет до этого, принял решение отправить в глубь континента экспедицию для обнаружения истоков могучей южноамериканской реки Магдалены, впадавшей в Карибское море недалеко от вверенного ему нового поселения. Главой экспедиции он назначил своего талантливого сотрудника Хименеса де Кесада, который весной 1536 года отправляется вверх вдоль болотистых берегов Магдалены с отрядом в количестве свыше 800 человек. В январе

следующего года, преодолев огромное расстояние через тропические джунгли, постоянные нападения со стороны воинственных индейцев, мучительные болезни, голод и отроги Анд, Кесада наконец вывел своих людей на широкую и богатую горную долину, населённую племенем чибча.

Согласно подсчётам, племя чибча тогда состояло примерно из одного миллиона индейцев. К этому времени у отважного конкистадора осталось измученных переходом 167 человек и 59 лошадей! После нескольких вооружённых схваток и одной решающей битвы между пришельцами и местными жителями вождь чибча Зипа покинул свою столицу и исчез навсегда из поля зрения испанцев. На месте этой столицы у подножия гор, где начиналась широкая плодородная долина, которую чибча называли «богота», что на их языке означало «большие уголья», Кесада основал в 1538 году новый город, который он назвал Санта-Фэ, в память о том полевом лагере, откуда испанские короли Изабелла и Фердинанд вели свою победоносную войну против Гранады – последнего мусульманского владения на полуострове в 1491—1492 годах. Таким образом, новый город обрёл название Санта-Фэ-де-Богота (ныне Богота).

Очень любопытным является тот факт, что в то самое время, когда Кесада со своим отрядом пробивался к долине Боготы вдоль русла Магдалены, к этой же цели продвигались две другие экспедиции, совершенно не зная о намерениях друг друга или о Кесаде. Одну из них вёл из далёкого Кито

в Эквадоре один из сподвижников Писарро – Себастьян де Белалкасар. Другую возглавлял немец Николаус Федерманн по велению гильдии коммерсантов Аугсбурга, которым удалось получить концессию на создание колонии от императора Карла V в уплату его долгов. Федерманн двигался к Боготе по одному из притоков многоводного и мощного Ориноко из Венесуэлы. Белалкасар достиг Боготы в 1538 м, а Федерманн добрался до неё всего лишь в 1539 году. Перед лицом других претендентов Кесада отстоял свои права первооткрывателя и был впоследствии произведён императором в рыцари...

Выходя из самолёта на аэродроме Боготы, я оказался в шумной и громкой толпе американских охотников, которых при входе в здание терминала встречали их попечители из местной туристической компании. Когда мы вошли в зал со стеклянными будками паспортного контроля, я заметил, что только в одной из них находился пограничник, а другие были пустыми. Мне пришлось встать в хвост опередившей меня толпы американцев, но их очень быстро пропустили. Было очень странно теперь видеть вокруг себя совершенно пустой зал прибытия. Я подумал, что на моём рейсе, видимо, кроме меня и охотников из США, сюда никто не прилетел, а других рейсов в это время, очевидно, просто не было.

Я подошёл к окошку пограничника и подал ему свой паспорт ООН, открыв его на странице с колумбийской визой, чтобы ему не пришлось её разыскивать среди многих дру-

гих, имевшихся в паспорте. По всей вероятности, моему пограничнику подобных паспортов раньше видеть не приходилось, так как он стал его рассматривать с нескрываемым любопытством. Изучив мой документ, он извинился и вышел из будки во внутренние помещения. Минут через 5—7 он вернулся в сопровождении ещё одного сотрудника и выложил передо мной несколько анкет, сказав, что мне нужно их заполнить, а затем снова подойти к его окошку.

Вернувшись в зал, я нашёл маленький столик со стулом и сел за заполнение анкет. Я закончил одну из них, в которой нужно было среди прочего указывать гражданство, место постоянного проживания и работы и т.д. Принимаясь за вторую, где нужно было сообщать о цели поездки, сроках нахождения в стране, местах посещения, адреса гостиниц, маршруты перемещения и транспорт, а также другие сведения о моём пребывании, я вновь оглядел большой зал прибытия и ещё больше удивился его полной пустоте. Помимо отсутствия пассажиров бросалось в глаза и отсутствие каких-либо работников аэропорта. Я был совершенно один в этом странно безмолвном и безлюдном помещении.

Работа по заполнению второй и, как оказалось, последней анкеты (остальные были просто дубликаты) уже была почти закончена, когда передо мной появились два колумбийца в штатской одежде. Поздоровавшись со мной, но не представляясь, они запросто сели боком на противоположные углы моего стола за отсутствием стульев и спросили, всё ли мне

ясно в отношении форм. Я ответил, что я их практически подготовил, и тогда один из незнакомцев взял мою первую анкету и стал её просматривать. Через минуту была закончена и вторая, которую забрал тот же самый человек, который изучал первую, а второй начал со мной вполне корректно беседовать.

Он расспрашивал меня фактически по тем же самым вопросам, которые были в анкетах с некоторым уточнением деталей. «Итак, можно сказать, что Вы приехали к нам как турист». – подытожил ведший беседу. Услышав от меня подтверждение его вывода, он в несколько преувеличенной дружески заботливой манере стал меня отговаривать от моей затеи. По его словам, а это мне было давно самому известно, в стране уже много лет шла гражданская война, и путешествовать по ней за пределами крупных городов, где правительство не контролировало ситуацию, было просто опасно. Ко всему этому, как он пояснил далее, прибавился ещё один очень важный фактор: в связи с определёнными неожиданными событиями в Боготе с утра сегодняшнего дня введено осадное положение, все улицы центра города перекрыты войсками, проходить через них нельзя, а находиться на других улицах города можно только до наступления темноты.

Сообщение об осадном положении явилось для меня неожиданностью. «Посмотрите на этот зал, – продолжал мой собеседник. – Вы же видите, что здесь никого нет. Сегодня других самолётов принимать или отправлять аэропорт боль-

ше не будет. Ваш был последний рейс. Вы можете остановиться и переждать до открытия аэропорта в гостинице прямо недалеко от терминала. В город мы вам выходить не рекомендуем», – закончил он и вопросительно посмотрел на меня в ожидании ответа. Для собственного уточнения сложившегося положения я переспросил: «Скажите, пожалуйста, с вашей стороны это только рекомендация, но, как я понимаю, не запрет, не так ли?» Мои собеседники посмотрели друг на друга и почти одновременно подтвердили, что это их рекомендация на моё усмотрение. «Ну что же, в таком случае хочу вас поблагодарить за внимание ко мне, но поскольку я всё равно должен выходить из здания терминала, я пойду сначала получу мой чемодан, а потом подумаю и решу». Мы все трое подошли к пропускной будке, я сразу получил штамп прибытия в паспорте, и мы попрощались.

Я вышел к карусели получения багажа и увидел стоявший около неё в полном одиночестве свой чемодан. В этом помещении, кроме меня, тоже никого больше не было. На выходе в зал встречающих около уже закрытой двери возник сотрудник таможни, который, не спрашивая декларации, распахнул её передо мной и, пропустив меня, снова закрыл её. Сначала мне надо было найти отделение банка для обмена пока небольшой суммы долларов на местную валюту, которая мне понадобилась бы в любом случае, а потом я рассчитывал зайти в кафе и за чашкой вкусного местного кофе обдумать дальнейшие действия. Валютный киоск я обнаружил

довольно быстро, но он оказался закрытым. Во всём широком коридоре к выходу на улицу не было ни одного человека, у которого можно было бы спросить, где ещё можно было бы поменять деньги. Отсутствие людей в таком обычно светлом месте, как аэропорт, создавало ощущение нереальности всего происходящего.

Оказавшись на улице, я увидел прямо перед собой группу американских охотников, заканчивавших посадку в свой отдельный автобус, и я решил узнать у них, едут ли они в Боготу. Они объяснили, что едут куда-то на юг, но не в столицу. Попрощавшись, я направился к входу в зал отъезда, где надеялся найти киоск обмена денег и кафе. Все многочисленные прилавки регистрации пассажиров разных компаний пустовали. Удивительно странно было видеть всё это безлюдье, наводившее на мысль, что будто какая-то сверхъестественная сила вынесла отсюда всех людей, оставив предметы и вещи в полной сохранности.

Пройдя ещё немного вперёд, я встретил шедших мне навстречу двух сотрудников аэропорта и спросил у них, где можно было бы там обменять доллары и выпить чашку кофе. Они объяснили, что из-за осадного положения, введённого в Боготе, аэропорт был практически закрыт, но одно кафе оставалось открытым для дежурного персонала, где официант может мне обменять небольшую сумму и где я мог попить кофе. Следуя их объяснению, я нашёл дежурное кафе, в котором мне удалось поменять деньги и получить чашку

очень ароматного, но страшно крепкого кофе. Поскольку я здесь оказался единственным клиентом и официант был не занят, я поинтересовался у него обстановкой в городе и возможностью выполнить мои туристические планы.

Он сказал, что центр города был действительно окружён войсками, так как там в тот день должна происходить встреча президентов андийской группы стран, в связи с чем вооружённые партизаны угрожали её сорвать своими боевыми действиями. Однако, по его словам, он, будучи рано утром около моей гостиницы «Интерконтиненталь», где у меня ещё из Нью-Йорка был снят номер, видел, что она была за два квартала до начала линии войск и что поэтому к ней можно было подъехать по окружной, минуя отсечённый армией центр. Насколько ему было известно, пока в Боготе всё было спокойно. Он считал, что до отеля можно вполне добраться, там переночевать, а завтра после завершения президентской встречи осадное положение могут и отменить. Слова официанта мне показались вполне убедительными, и я решил направиться в Боготу.

Переложив из чемодана в авиасумку некоторые вещи, которые мне могли понадобиться, я оставил его в камере хранения-автомате и налегке вышел из здания терминала искать транспорт в столицу. Вся площадь перед терминалом была пуста, за исключением трех автобусов и разгрузившего около здания какие-то коробки небольшого фургона. Я направился к автобусам и узнал, что два из них едут не в Бого-

ту, а третий был на дежурстве для нужд аэропорта и ехать пока никуда не собирался. На мой вопрос, как можно было бы добраться до Боготы, мне было сказано, что в той ситуации можно было рассчитывать только на появление какой-нибудь служебной машины.

Тогда мне пришла мысль переговорить с водителем фургона, и я пошёл к нему. Сначала водителя не было, но вскоре он пришёл за очередной коробкой и после некоторых колебаний согласился на мою просьбу за сносную плату в долларах. Его нужно было ещё подождать минут 15 для завершения разгрузки. Когда водитель появился из двери склада, отнеся туда последнюю коробку, с ним оказались женщина с двумя детьми и какой-то мужчина, которых он назвал своими родственниками, ожидавшими его для поездки в город. В фургоне было только одно переднее сиденье, но сзади было несколько пустых коробок, среди которых водитель рассадил детей и мужчину, а меня устроил вместе с женщиной рядом с собой. Протерев совершенно грязное ветровое стекло, через которое дорогу можно было только угадывать, водитель повёз нас в Боготу.

Неказистая асфальтовая дорога, напоминавшая мне наше тогдашнее шоссе в Шереметьево, шла в отдалённом окружении ощутимо громадных величественных Анд. В особой красоте этого несколько фантастического горного пейзажа было немало таинственного и мистического. По дороге в Боготу машины попадались совсем редко. Несмотря на присут-

ствие нескольких встретившихся нам патрулей, нас ни разу не остановили. Мы подъезжали к первым кварталам домов города, когда водитель объявил мне, что на углу первой же улицы мне придётся сойти, так как он уже успел заметить маячившую впереди цепочку солдат, перекрывавшую проезд. Когда мы остановились, я попросил его объяснить, как пройти от того места к гостинице «Интерконтиненталь». С помощью имевшейся у меня туристской карты города мы разобрались с маршрутом и распрощались. До гостиницы идти пешком нужно было около часа.

Вскинув на плечо красную авиасумку с крупными белыми буквами TWA (очередной подарок Зилотти), я резвым шагом направился к тротуару первой начинавшейся здесь улицы Боготы. Метрах в 20 впереди меня стояла редкая цепочка солдат, протянувшаяся поперёк безлюдной улицы. Я решил с независимым видом пройти между ними дальше, стараясь на них не смотреть. К моему большому удивлению, они меня не остановили, и я смело продолжал шагать вперёд. Через несколько кварталов возникла ещё одна такая же вытянутая неровной ниткой группа солдат, и я снова смело прошёл между ними, не будучи остановлен. Такая же ситуация повторилась ещё раза три до того, как я вышел на довольно большую площадь, где сходились несколько улиц. В этом месте мне нужно было уточнить, куда идти дальше, и я с картой в руках стал разглядывать на столбах их названия. Определив дальнейший маршрут к гостинице, я сменил направ-

ление, прошёл беспрепятственно новый кордон солдат и через несколько кварталов оказался на ещё одной площади, где снова надо было уточнить дальнейший путь.

Моё многократное успешное преодоление солдатских кордонов вселило в меня растущую уверенность, что оставшуюся часть пути до гостиницы мне удастся пройти так же свободно. Поскольку около меня прохожих не было, хотя изредка они стали попадаться, и одна карта не помогала, я решил подойти к ближайшей цепочке солдат и попросить их сориентировать меня в направлении гостиницы. Подойдя к следующему кордону, я так и сделал. Двое солдат объяснили, что мне оставалось идти уже недалеко, и показали, как пройти.

После пары кварталов нужно было делать поворот, за которым я увидел небольшую группу солдат с автоматами, которые были направлены в сторону стены большого здания, где с поднятыми вверх руками стояло 6—8 человек в гражданской одежде. Пройдя мимо них, я заметил, что каждого выходявшего из подъезда дома человека солдаты тут же грубо останавливали, обыскивали и затем ставили к стене с поднятыми вверх руками. Мне хотелось поскорее уйти из этого неприятного места и, дойдя до угла здания, я решил перейти на другую сторону улицы и направился туда через очередной перекрывавший её кордон.

Но здесь меня неожиданно остановили и попросили предъявить документы. Доставая свой паспорт ООН, я ска-

зал, что иду в гостиницу «Интерконтиненталь» и даже попросил обратившегося ко мне солдата подтвердить, правильно ли я иду. Вокруг нас тут же выросла толпа солдат и нескольких не задержанных или освобождённых после проверки прохожих. Солдат взял мой паспорт и начал его листать. Я заметил, что он держит паспорт вверх ногами, и подумал, что мне попался неграмотный, которых среди колумбийцев из бедных слоёв было немало. Дойдя до фотографии, солдат перевернул документ и стал в неё вглядываться. На виду собравшейся толпы он стал спрашивать, откуда я, зачем приехал в Колумбию, куда направляюсь и почему расхаживаю по улицам в это время. Я спокойно отвечал на его вопросы, но одновременно слышал повторяющиеся комментарии в толпе, что поймали террориста.

Выслушав мои объяснения и ответы на его дополнительные вопросы, солдат кивнул головой своим сослуживцам, которые освободили нас от окружавшей толпы и вместе с ним, взяв меня под руки, пошли назад к зданию, где стояли автоматчики. Пока мы шли, я пытался протестовать, говоря, что я сотрудник Секретариата ООН, что это ошибка, что у меня есть официальная виза правительства Колумбии, что они должны разобраться, и что для этого нужно пригласить офицера. Но они меня не слушали. Когда мы оказались около автоматчиков, солдат с моим паспортом попросил меня поднять руки вверх, на что я ответил решительным отказом, настаивая при этом вызвать к нам офицера. После моего от-

каза поднять руки и пока я высказывался по поводу присутствия офицера, двое солдат в одно мгновение обыскали меня со спины. Однако никто почему-то не догадался обследовать мою сумку. Я снова высказал свой протест, настаивая на приходе их командира и глядя вокруг в надежде увидеть офицерскую форму.

Солдат с моим паспортом стоял в нерешительности, стуча им об руку, видимо, размышляя, что со мной делать. Потом он снова кивнул головой стоявшим рядом со мной солдатам, которые подхватили меня под руки и потащили к стенке, около которой с поднятыми вверх руками стояло ещё 5—6 человек под наведёнными в их сторону автоматами. Солдаты оставили меня вместе с другими у стены и отошли на несколько шагов, вероятно, с намерением не дать мне уйти оттуда, но больше поднимать руки не заставляли. Повернувшись лицом к улице, я снова стал требовать офицера. Через минуту солдат с моим паспортом направился к углу здания и скрылся за поворотом. Тогда я обратился с той же просьбой к оставшимся рядом со мной солдатам, которые ответили мне, что их товарищ пошёл искать командира и сейчас вернётся.

После 2—3-х минут ожидания на углу дома вместе с солдатом появился толстый офицер в каске и с таким количеством орденов и медалей на груди, что можно было подумать, будто он героически прошёл через массу крупных боевых сражений. Офицер, глядя на меня от угла дома, слу-

шал объяснения солдата, который затем передал ему мой паспорт. Я стал делать знаки офицеру с просьбой подойти, но, просмотрев мой документ, он вернул его солдату и что-то ему сказал. Солдат тут же направился ко мне, а я пошёл навстречу ему, и охранявшая меня двойка двинулась вместе со мной. Офицер остался наблюдать за нами со своего места. Подойдя ко мне, солдат извинился за моё задержание, передал мне паспорт и сказал, что я могу двигаться дальше.

Принимая паспорт, я попросил показать, как мне пройти в мою гостиницу, но солдаты сказали, что они из провинции и города не знают. Тогда я обратился с той же просьбой к новой образовавшейся вокруг нас толпе, однако, может быть из-за страха связываться со мной, никто на мою просьбу не откликнулся. Я уже собрался идти дальше, когда из толпы вышел мальчик лет 9—10 и сказал, что моя гостиница совсем рядом, и что он меня туда проводит. Подойдя ко мне, мальчик взял меня за руку, и через расступавшиеся перед нами кучки собравшихся здесь пешеходов и кордоны солдат мы с ним пошли прямо по осевой нашей улице. Все находившиеся на улице солдаты, скопившиеся здесь пешеходы и многие жители соседних домов, смотревшие из открытых окон, наблюдали за нашим необычным шествием.

Моя гостиница находилась от места моего задержания всего в четырёх кварталах. За полицейским барьером, который отгораживал её от нашей улицы, собралось человек 15—20 любопытных, ждавших нашего прихода. Среди них ока-

залась часть работников «Интерконтиненталя», в том числе его главный управляющий, который, увидев во мне иностранца, тут же подошёл ко мне осведомиться, иду ли я в его гостиницу. Услышав подтверждение, он с энтузиазмом схватил у меня с плеча мою сумку и в сопровождении других служащих быстро увлёк меня внутрь здания вместе с мальчиком. Здесь я щедро наградил моего сопровождающего долларами за его услугу, и он с радостью помчался на улицу.

Управляющий гостиницей подошёл со мной к прилавку регистрации и сам стал заниматься моим оформлением. Пока я заполнял карточку прибывшего, мой хозяин извинялся за постигшую меня неприятность и рекомендовал в тот день на улицу больше не выходить, так как в городе ожидалась беспорядки. Просмотрев мою заполненную карточку, управляющий буквально просиял, узнав, что я советский, и обрадовано распорядился предоставить мне лучший имевшийся номер без дополнительной приплаты.

В ожидании подготовки номера он повёл меня к расположенному там же бару и угостил меня виски, расспрашивая про СССР, мою работу и мои туристские планы в Колумбии. Я оказался первым советским не только в его гостинице, но, по всей видимости, и в самой стране за почти 20 лет отсутствия каких-либо отношений между нашими государствами. Номер уже давно был приготовлен, но управляющий отелем всё не хотел меня отпускать. Потом он спохватился, что слишком задержал меня после дальней дороги и выпав-

ших на меня неприятностей, взял мою сумку и ключ и сам поехал наверх показывать мой номер. Мы с ним расстались как добрые знакомые.

Приняв душ и немного отдохнув, я решил спуститься на ужин в ресторан при гостинице. Слух о том, что в отеле остановился русский из Москвы, обошёл всех его сотрудников, и, проходя по помещениям гостиницы, я ловил на себе их любопытные доброжелательные взгляды. Главный ресторан со столиками в тот день был закрыт, но ужин давали за стойкой бара, где я выбрал себе удобное место, так как других клиентов пока не было. Заказав себе блюдо, я стал изучать карту Боготы, которая после моего утреннего похода мне теперь стала более понятной, что облегчило ориентацию в расположении памятников, старых церквей, музеев и других достопримечательностей, намеченных для моего посещения.

Я ещё не успел получить свой ужин, как у меня появился возбуждённый сосед, который, сразу же заказав себе на английском джин с тоником и бифштекс, начал с возмущением рассказывать мне перипетии его сегодняшнего дня, связанные с проверками документов, задержаниями, объездами и прочими неурядицами, выпавших на него по дороге в Боготу и гостиницу. Судя по акценту, я решил, что он англичанин (он потом это подтвердил), и про себя подумал, что я оказался не один иностранец, кто попал сегодня в неприятное положение. Мой собеседник приехал в Боготу из провинции, где он работал уже почти два года на предприятии своей ан-

глийской фирмы, чтобы завтра утром встретить своего коллегу из Лондона. Ему явно очень не нравилось здесь работать, в первую очередь из-за непрекращающихся беспорядков, вызываемых действиями партизан-повстанцев и неспособностью правительства контролировать положение.

За нашим растянувшимся ужином и новыми порциями джина с тоником он рассказывал о событиях в Колумбии, приводя случаи похищений, ограблений, избиений и прочих страстей, жертвами которых были его коллеги по работе и знакомые. Он с нетерпением ожидал завершения своего контракта, чтобы поскорее уехать из этой бестолковой и опасной, как он считал, страны. Англичанин был настолько занят рассказом о своих собственных проблемах, что обо мне спросил только, кто я, откуда и зачем приехал и сколько времени собирался быть в Колумбии. Мы разошлись довольно поздно и попрощались, так как он завтра же после встречи коллеги из Лондона вместе с ним снова уезжал на своё предприятие.

Поднявшись в номер, я сразу лёг спать, но буквально через несколько минут раздались сначала одиночные выстрелы, а потом и автоматные очереди. Я встал и осторожно выглянул в окно, но на нашей улице не было ни машин, ни людей. Я заснул, но на протяжении ночи несколько раз слышал выстрелы, правда, они звучали в стороне от нашего отеля.

Утро следующего дня было очень солнечным и неожиданно прохладным. В окно я увидел, что полицейское за-

граждение на нашей улице начали разбирать солдаты, а их кордонов уже не было, хотя на углах улиц стояли патрули. Я с надеждой подумал, что осадное положение отменили, и, спустившись вниз на завтрак, тут же купил местную крупную газету. Аншлаг громко объявлял о принятии вчера на встрече президентов «Декларации Боготы», провозглашавшей новую эпоху сотрудничества между андийскими странами в разных областях, в том числе и в сфере борьбы с «коммунистическими повстанцами». Были сообщения об арестах, проверках, перестрелках и прочих беспорядках, но, по утверждению газеты, партизанам не удалось сорвать встречу в верхах благодаря прекрасному обеспечению безопасности в городе со стороны армии и полиции. Осадное положение отменялось, что открывало путь моим туристским маршрутам.

Сразу же после завтрака, взяв свой фотоаппарат, я отправился пешком по городу на центральную площадь, где находился прекрасный старый католический собор в стиле классического барокко и президентский дворец с усиленной охраной в окружении ряда правительственных зданий. Потом я добрался до дома-музея Симона Боливара, где с волнением осматривал его жилище, личные вещи и документы, рассказывавшие о жизни и деятельности этой необыкновенной исторической личности —освободителя целой группы стран Южной Америки от Испании – во время его пребывания в Колумбии и о его последующей драматической кончи-

не на её карибском побережье в 1830 году. Следующий день начался с подъёма на фуникулере на самую высокую гору в окрестностях Боготы, откуда открывается фантастическая панорама всего города и той огромной долины, в лоне которой он так уютно расположился. Остальное время я провёл в хождениях по музеям и улицам города.

Вернувшись к вечеру в гостиницу, я поинтересовался у портье возможностью совершить поездку из Боготы в район Сирпаркира, где находился самый глубокий в мире подземный собор, построенный в бывших соляных шахтах. Портье сообщил мне, что туда лучше всего съездить организованной экскурсией, так как Сирпаркира находилась в зоне партизан, и одному там появляться просто опасно. Небольшие экскурсии в это место, по его словам, проводились не так часто и только тогда, когда набирается хотя бы 5—6 туристов. В ответ на мою просьбу он связался с турфирмой, где ему сообщили, что у них всего пока было вместе со мной 2 кандидата на поездку и что, если к завтрашнему утру наберётся ещё 2—3 желающих, то в тот же день после завтрака микроавтобус заедет за мной в гостиницу.

Мне повезло, и уже перед завтраком портье обрадовал меня сообщением, что экскурсия состоится, и что к 9.30 я должен быть в вестибюле в полной готовности к поездке. С небольшим опозданием меня подобрал повидавший немало трудных дорог микроавтобус «фольксваген». Там было три пассажира: один университетский профессор из Коста-Рики

и мать с взрослым сыном из города Талса в штате Оклахома на юго-западе США. Мы все быстро познакомились. Я, как русский из Москвы, хотя и работавший в Нью-Йорке, вызвал у моих спутников и водителя невероятное удивление, так как никому из них с русскими встречаться не приходилось. Как и в других подобных случаях, теперь мне снова пришлось отвечать на множество вопросов об СССР, об ООН (они и о ней почти ничего не знали) и о себе. Мы не преминули обсудить события третьего дня, которые мои спутники не застали, приехав в Боготу на два дня позже.

Когда мы вышли на шоссе в направлении Сирпаркиры, перед нами возник солдатский дорожный патруль. Наш водитель объяснил солдатам, кого он везёт и куда едет. Документов у нас не спрашивали, но внутрь автобуса заглянули, видимо, убедиться, что там никто не прячется. Продолжая путь после проверки, водитель пояснил нам, что мы въезжаем в зону действия партизан и что патрули нас могут останавливать ещё несколько раз. Он заверил, что большую часть нашего пути контролируют войска правительства, но что дальше хозяйничают повстанцы, которые, как правило, туристов не трогают.

Мои спутники о повстанцах в зоне нашего путешествия ничего не знали и, услышав сообщение водителя, начали с волнением обсуждать, что делать в случае их появления. Полусерьёзно-полушутя условились, что если нас остановят повстанцы, то, как советский, с ними объясняться буду я, а в

случае проблем с правительственными патрулями разговаривать будут они. Патрули нас останавливали действительно ещё несколько раз, но их проверки ограничивались простым осмотром нашего транспорта и вопросами водителя, который интересовался, не было ли недавно каких-либо вылазок повстанцев в зоне патрулирования.

До места назначения мы доехали без встреч с партизанами, пообедав по пути в местном ресторанчике маленькой живописной деревушки. В подземный собор нужно было въезжать, как в обычную шахту, на вагонетках у самого подножия очень высокой горы. В конце узкого и довольно длинного тоннеля посетители вдруг оказываются в огромном и чрезвычайно высоком зале, который сужающимся конусом гигантского размера уходит к самой вершине горы, откуда маленькой светлой точкой показывается небо.

Устройство и убранство части зала у одной из стен этого помещения напоминало многократно увеличенный неф обычного собора, но в значительно более скромном варианте. Здесь не было, да из-за отсутствия окон, не могло быть, привычных в католических церквях нарядных витражей и розеток, которые так оживляют и украшают их интерьер. В помещениях царил удивительно чистый и приятный воздух, уютно горели десятки свечей, но основной свет обеспечивало электричество. Прихожан не было, и лишь бесшумно возникавшие несколько монахинь свидетельствовали о присутствии здесь человека. В этом гигантском подземном соборе,

который был построен после выработки шахты по инициативе трудившихся здесь шахтёров, устраивались, как правило, крупные торжественные религиозные церемонии, собиравшие большое число прихожан из широкой округи и других местностей. Это действительно уникальное и восхитительное сооружение оставляет сильнейшее впечатление.

После посещения собора и уже на обратном пути водитель завёз нас ещё в одну маленькую бедную деревушку, зацепившуюся за край высокого горного холма, откуда можно было долго разглядывать панораму широкой долины, раскинувшейся среди торжественно-величественных гор. В деревушке продавались сувениры для туристов, где мы в свою очередь тоже приобрели искусные поделки местных мастеров. Наш обратный путь прошёл без приключений, но с неизбежными в том районе проверками патрулей. После позднего возвращения я плотно поужинал и лёг спать, то и дело возвращаясь в памяти к картинам подземного собора Сирпаркира и увиденным во время путешествия восхитительным пейзажам. На следующий день я продолжил свое обследование Боготы, а вечером отправился в аэропорт. Переполненный массой колумбийских впечатлений, я теперь готовился к встрече со столицей бывшего испанского вице-королевства Перу – Лимой.

Моё увлекательное знакомство со страной инков

Среди моих коллег по работе в Нью-Йорке, которые передали со мной подарки и письма в свои страны по моему маршруту, была одна молодая и красивая девушка-перуанка Мария-Элена, проходившая у нас стажировку в порядке подготовки к экзаменам на синхронный перевод. Её передача предназначалась для её жениха, завершавшего свой дипломный проект на получение звания архитектора в университете Сан-Марко в Лиме. Она уже заранее сообщила своему Мигелю о времени моего прилёта, и он обещал меня обязательно встретить, хотя мой рейс прилетал около трёх часов утра.

Когда я с чемоданом появился перед небольшой группой встречающих в аэропорту Лимы, то мы с Мигелем сразу же узнали друг друга, и он, увидев меня, тут же подбежал ко мне, представился и стал тепло обнимать, как будто мы с ним были старые друзья. Мигель подхватил мой чемодан, и мы, оживлённо разговаривая, направились к выходу. Увлёкшись встречей с Мигелем, я не успел заметить, что меня встречали ещё два человека – два профсоюзных руководителя, с которыми я познакомился в самолёте по пути из Панамы в Колумбию, и которые тоже обещали меня встретить, хотя я им говорил, что меня уже будут встречать и что им не стоит об этом думать. По правде говоря, я и не ожидал, что они при-

едут за мной в аэропорт, но теперь надо было с этим делом разобраться. Они подошли к нам с Мигелем, мы радостно и искренне поприветствовали друг друга, и я их познакомил с будущим архитектором. Они сказали, что, даже зная, что меня будут встречать, всё равно хотели приехать увидеться и договориться о последующей встрече. Мы так и условились, хотя мои профсоюзные руководители настояли поехать на своей машине и проводить меня до гостиницы.

На выходе из здания терминала прямо около дверей мы оказались перед новеньким красным спортивным «феррари» – очень дорогой и редко, даже в Америке, встречающейся машиной. К моему невероятному удивлению Мигель поставил мой чемодан около «феррари» и стал привычным жестом открывать его дверь. «Ничего себе! – подумал я с восхищением. – Вот это сюрприз, который мне приготовила Мария-Элена через своего жениха». Мои профсоюзные руководители тоже остановились посмотреть на эту автомобильную диковинку, разглядывая её вместе со мной с разных сторон. Мигель сел за руль, и «феррари» словно самолёт на разбеге перед взлётом, рванулся вперёд и помчался по пустому шоссе в Лиму. При практическом отсутствии движения по всему пути мы за разговором доехали до гостиницы в центре города невероятно быстро. Я успел оформить, вместе с Мигелем съездить в мой номер оставить вещи и проводить его вниз, когда подъехали мои руководители профсоюзов. Было почти 4 часа утра, и мы с Мигелем и профсоюзниками условились

о встречах на завтрашний день.

Приняв душ, я рухнул спать и проснулся на следующее утро от телефонного звонка около 10 часов. Звонил Мигель, сказавший, что заедет за мной к 11, покатает по городу, а потом повезёт меня на обед к своим родителям в пригород Сан-Исидро. Собравшись, я вышел в город позавтракать и немного пройтись по улицам старой части города, где находилась моя гостиница. Здесь сохранилось много просторных 2 этажных домов с узорчатыми чугунными решётками на балконах по всей протяжённости их уличных стен. Через ворота более поздней постройки порой можно было увидеть широкие внутренние дворы-патио, покрытые выжженной желтовато-зелёной травой, с элегантными королевскими пальмами, фруктовыми деревьями, пёстрыми цветниками и яркими бугенвиллиями. Всё это было очень мило, дышало стариной, но выглядело как-то неухоженно и заброшенно. Когда-то богатые аристократические владельцы этих домов обеднели и не имели достаточно средств на их надлежащее содержание.

Пунктуальный Мигель заехал за мной в назначенное время, и красный «феррари» повёз нас по улицам и площадям перуанской столицы...

Неграмотный конкистадор Франсиско Писарро, дальний родственник покорителя Мексики Эрнана Кортеса, вместе со своим партнёром Альмарго открыл сегодняшнее Перу в 1532 году. В том же году они начали завоевание огромной

и богатой империи инков с отрядом всего в 170 человек (у Кортеса в Мексике их было 220), среди которых было ещё четверо братьев Писарро. Об этой стране испанцы впервые услышали в самом начале 1500-х годов, когда начинали осваивать территорию теперешней Панамы, местные жители которой рассказывали им об очень большой и богатой стране на юге, известной разным местным индейским племенам под названиями Биру, Пиру и Перу. Последнее в итоге возобладало и дало название южноамериканскому испанскому вице-королевству, а впоследствии и новой независимой стране. Перуанская столица обязана своим происхождением тому же Франсиско Писарро, основавшему этот город в 1535 году на берегу реки, которую индейцы аймара называли Лимак, что на языке кечуа произносилось как Римак, но в том и другом случае это означало «река умеющих говорить на кечуа». Аймарское Лимак перешло в Лима и определило окончательное название столицы Перу...

С Мигелем, надо сказать, мне очень повезло: он был прекрасно образован и начитан; как архитектор он великолепно знал свой город; он серьёзно интересовался искусством и был знатоком балета, внимательно следившим за творчеством своего идола Майи Плисецкой; он был интересным собеседником и, будучи человеком по натуре очень общительным и обаятельным, имел много друзей и знакомых. Ко всему прочему он принадлежал к старому и богатому аристократическому роду Малатеста, что открывало ему многие

двери и возможности.

Мне повезло с ним ещё и в том, что, несмотря на работу над дипломным проектом, ему можно было уделить мне достаточно времени, чтобы сделать три с половиной дня моего пребывания в Перу чрезвычайно насыщенными и интересными. Без такого знакомого даже при длительном пребывании здесь было бы невозможно побывать в целом ряде частных закрытых музеев культуры инков, посетить археологические раскопки, проводившиеся его друзьями на их собственных территориях, обедать или ужинать в роскошных домах некоторых известных перуанских семей, встречаться со студентами в университете и на их вечеринках у них дома. Для всего этого нужно было быть одним из таких местных, каким оказался мой славный гид и новый товарищ Мигель Малатеста.

Будучи русским из СССР – страны, с которой Перу давно не имело никаких отношений, я в Лиме, как и в других местах моего путешествия, вызывал самим этим фактом немалый интерес, так как русских здесь просто никто не видел. Многим очень хотелось со мной повстречаться, узнать, что мы собой представляем, поговорить о Советском Союзе, услышать ответы на интересовавшие их в отношении нас вопросы, побывать в компании с русским. Приглашений у меня возникло столько, что я не смог бы ими всеми воспользоваться, даже если бы моё пребывание здесь было гораздо более продолжительным. Всё это вместе делало наше общение

очень интересным и непринуждённым, а то, что я свободно говорил по-испански, в значительной мере способствовало ему.

Совершив первую ознакомительную прогулку по центру Лимы, мы с Мигелем отправились на семейный обед к нему домой в пригород Сан-Исидро. По дороге он ненадолго заехал к своим друзьям в соседний Мирафлорес, где я впервые посетил дом богатых перуанцев с роскошным садом и собственной конюшней, которые обслуживались целой бригадой прислуги. Одно содержание самого такого хозяйства и всех работников требовало немалых денег, но здесь в них недостатка явно не было. Нас угостили соками и предлагали остаться на обед или приехать на ужин, но в тот день мы уже были ангажированы.

Дом семьи Мигеля Малатеста был во многом похож на пригородные виллы других богатых перуанцев по своим размерам, ухоженности окружающей его территории, наличию бассейна, численности прислуги и другим атрибутам их социального положения. Отец и мать Мигеля унаследовали от своих родителей не только деньги и акции ряда крупных американских компаний, но и плантации на юге страны, которые давали немалый доход. Его отец, находившийся в те дни в деловой поездке в Калифорнии, входил в советы директоров нескольких перуанских фирм. Дети таких семей обучались в лучших школах и университетах страны и за границей. Свои длительные отпуска эти люди часто проводили в

путешествиях по Европе.

На обеде у Мигеля были его мать, старшая сестра с мужем, брат матери с женой и взрослым сыном. За длительной застольной беседой вести разговор в основном пришлось мне, так как члены семейства один за другим задавали много вопросов, на которые я с удовольствием отвечал. Кухня в тот день была главным образом европейская, а отдельные перуанские блюда мне как-то не запомнились. Десерт подавали в саду, где в местный зимний июль было солнечно и приятно. Я распрощался с хлебосольной хозяйкой дома и её гостями около четырёх дня, получив приглашения приходить сюда снова и побывать в домах её родственников. Подаренные мной русские сувениры, особенно матрёшки и чёрная икра из нашего представительства в Нью-Йорке, произвели здесь впечатление раритетов.

После замечательного обеда с семьёй богатых перуанских аристократов меня ждал ужин с руководителями местных рабочих. Мигель отвёз меня на центральную площадь Лимы Пласа де Армас, а сам поехал по делам своего проекта, условившись со мной забрать меня на следующий день из гостиницы в 9 утра для встречи с его однокашниками по университету.

В оставшееся до ужина время я побродил по центру города, который по плану был довольно сильно похож на главные площади других столиц стран бывшей испанской империи. Даже центры их более мелких городов в своей основе

повторяли ту же модель: большая площадь с бьющим в её центре фонтаном, резиденция и канцелярия главного управляющего чиновника в качестве самого крупного и импозантного сооружения, а также расположенные по периметру площади правительственные учреждения с утробившимися между ними магазинами. План был почти один и тот же, хотя его воплощение в каждом месте имело свой специфический колорит.

С точки зрения городского пейзажа даже по сравнению с Мехико и Боготой, где уже было немало интересных зданий современной архитектуры из металла и стекла, и где сама уличная жизнь выглядела бурной и активной, Лима производила впечатление провинции. Оно ещё больше усиливалось большим присутствием бедных индейцев в их древних традиционных костюмах. Особенно заметными были женщины в ярких платьях и мужского типа шляпах с неизменным нелёгким грузом на спине и забитыми, никогда не улыбающимися лицами, несущими на себе какую-то вековую печаль. Их вид и поведение набрасывали на всё вокруг оттенки некоторой щемящей грусти.

Около 7 вечера за мной в гостиницу заехали профруководители. Сначала они повозили меня по незнакомым мне ещё районам города, показывая их достопримечательности, а потом привезли в ресторан морской кухни, где мы за вкусными плодами моря и местной водкой писко провели за разговорами около трёх часов. На этот раз их интерес сосредото-

чился в основном на советских профсоюзах. В мои студенческие годы мне немало раз доводилось работать с делегациями профсоюзов нескольких стран, в том числе с первой такой американской делегацией, посетившей СССР после середины 30-х годов. Поскольку я в определённой степени был осведомлён в этой тематике, то мог более-менее предметно отвечать на их деловые вопросы. Их очень интересовала возможность установить связь с нашими профсоюзами и познакомиться с жизнью советских рабочих.

Ввиду отсутствия каких-либо советских представительств в Перу я им посоветовал попробовать выяснить данный вопрос через посольство или консульство СССР в одной из других стран, где они могут оказаться. Судя по их реакции, они намеревались воспользоваться такой рекомендацией в будущем. На следующее утро мои профруководители уезжали по своим делам на несколько дней в Куско, но, прощаясь со мной у гостиницы, оставили телефоны своих коллег на случай, если мне что-то понадобится, и взяли мои нью-йоркские координаты. Мы обменивались с ними рождественскими открытками вплоть до завершения моей командировки в ООН.

Первую половину моего второго дня в Лиме мы с Мигелем провели во встречах и беседах с его однокашниками в университете Сан-Марко. Здесь мы обменивались бесконечными вопросами и ответами, касающимися жизни и учёбы студентов в СССР и Перу. Наши разговоры происходили в

конце студенческого кафетерия, где то и дело появлялись другие студенты, некоторые из которых, узнав, что происходит, включались в наш общий разговор, превратив его в настоящее студенческое собрание. Перед тем как разойтись на обед, один из товарищей Мигеля пригласил его вместе со мной к нему на ужин на снимаемую им квартиру, куда должны были придти ещё несколько его друзей. Мы пообедали с Мигелем и несколькими из его однокашников там же, в студенческом кафетерии, где была очень приличная и недорогая кухня.

После обеда Мигель отвёз меня в музей истории инков, а сам вернулся к делам по своему проекту. В музее была представлена большая интересная коллекция предметов археологических раскопок периода до становления империи инков и восхитительно богатая экспозиция, рассказывающая об их собственной удивительно высокой цивилизации, практически полностью уничтоженной испанскими завоевателями.

Вечер того дня мы провели в новых раундах разговоров на квартире товарища Мигеля Родриго. Он сам был из провинции, а его двухкомнатную квартиру в хорошем квартале города ему снимали его состоятельные родители. Кстати, я заметил, что в обществе Мигеля и его друзей людей не из состоятельных семей не было, что не мешало этой молодёжи часто высказываться относительно необходимости социальной справедливости и даже на словах поддерживать революцию на Кубе, политику Кастро и революционную борьбу Че

Гевары. Узнав, что мне довелось быть на Кубе и даже работать какое-то время с Че, они меня просто замучили просьбами рассказывать об этом до самой полуночи.

В последующие полтора дня моего пребывания я провёл время, посещая государственные и частные музеи, выезжал на археологические раскопки, обедал и ужинал каждый раз в домах или квартирах друзей Мигеля и его семьи. Мы с ним съездили и в порт Лимы Кальяо, бродили по улицам столицы и её богатых пригородов Мирафлорес и Сан-Исидро, где мой замечательный гид со знанием дела знакомил меня с особенно интересными историческими и архитектурными памятниками. Как оказалось впоследствии, когда я прочитал почти все основные работы Марио Варгаса Льюсы, это были те места, где разворачивалось действие многих его романов и рассказов, в том числе и, как мне думается, его лучшего и частично автобиографического произведения «Тётушка Юлия и писака». Кстати, на мой взгляд, испанское слово «escribidor» в названии этого романа следовало бы перевести на русский как «сценарист».

Моё интереснейшее и увлекательное время в Перу заканчивалось. Мой славный и гостеприимный Мигель, с которым мы очень подружились за эти короткие, но насыщенные по общению дни, отвёз меня в аэропорт, где мы с ним обменялись нашими координатами и, тепло распрощавшись, расстались действительно как хорошие друзья.

Когда я почти через месяц после начала моей поездки вер-

нулся в Нью-Йорк, то узнал, что очаровательная Мария-Элена, благодаря которой у меня получилось совершенно уникальное пребывание на её родине, к сожалению, не сдала экзамены в ООН и вернулась в Лиму. Мы с Мигелем регулярно переписывались. Он всё планировал приехать в Нью-Йорк, но вплоть до моего отъезда на работу в Москву ему это так и не удалось сделать. С моим переездом на работу в МИД наша переписка вынужденно прекратилась с моей стороны, и я потерял замечательного перуанского друга...

Из бывшей столицы вице-королевства Перу я вылетал в Сантьяго – столицу Чили.

В стране «на краю земли»

Уже в 1533 году, то есть всего год спустя после первой высадки испанцев в местечке Тумбес на западном побережье Перу и в самом начале его завоевания, между двумя основными группировками конкистадоров начались серьёзные раздоры из-за дележа еще не полностью покорённой огромной территории империи инков и её сказочных богатств. Во главе первой из них стоял клан пяти братьев Писарро, а второй руководил основной партнёр Франсиско Писарро по подготовке и проведению перуанской экспедиции Диего де Альмарго. В январе 1534 года Эрнандо Писарро доставил из Перу королю Карлу V в Севилью, к великой радости последнего, невиданное в Европе количество слитков золота и серебра. Прибытие такого неслыханного богатства ясно показывало огромное значение для Испании новой громадной колонии в Южной Америке, но одновременно подчёркивало и ту большую опасность, которая была заложена в разраставшемся конфликте между двумя вооружёнными группировками конкистадоров, о чём королю стало сразу же известно от прибывших из Перу людей.

Стремясь предотвратить перерастание раздоров между Писарро и Альмарго в гражданскую войну между завоевателями, Карл V согласился удовлетворить претензии последнего на важный титул «аделантадо», т.е. верховного прави-

теля новой территории, и на предоставление ему такой новой территории под названием Новое Толедо, которая должна была простираться к югу от земель под управлением Писарро вплоть до конца всего континента. Такое неопределённое разграничение не могло быть тогда более точным, поскольку никому не было известно, где именно кончалась территория Писарро и где начинались владения Альмарго. Другими словами, конфликт между бывшими партнёрами удалось смягчить, но не устранить.

Ссылаясь на решение короля, каждый из соперников теперь выдвинул претензии на главный приз империи инков – её столицу город Куско. Более хитрый Франсиско Писарро уговорил более доверчивого Альмарго оставить на время спор из-за Куско и отправиться на завоевание его новых неизвестных территорий, выделенных ему Карлом V. После нескольких месяцев труднейших переходов через Анды, хотя этот путь проходил по проложенной королевской дороге инков, хорошо вооружённый отряд Альмарго в сопровождении массы индейцев достиг южной оконечности владений перуанских императоров в суровой пустыне на побережье Тихого, или, как его тогда называли, Южного океана.

Дальше на юг простирались бесконечные земли племён арауканос – самых физически крупных и бесстрашных индейцев Американского континента. Даже прекрасно подготовленные и хорошо вооружённые воины инков, покорившие многие народы, отказывались воевать со своими южны-

ми соседями. Все попытки испанцев продвинуться дальше здесь столкнулись с совершенно непреодолимым сопротивлением со стороны арауканос. Некоторое время конкистадорам не удавалось даже взять кого-либо из арауканос в плен, поскольку эти отважные воины предпочитали самим лишать себя жизни, нежели сдаваться живыми в плен. Но однажды ночью испанцы смогли захватить нескольких спавших арауканос и доставить их в свой лагерь. Под страшными пытками пришельцы заставили пленных признаться в том, что именно их племена так самоотверженно защищали. Их ответом было «Чили», что на языке арауканос означало «край Земли». На этот раз испанцам не удалось прорвать оборону бесстрашных арауканос, и измождённый голодом пустыни и холодом Анд отряд Альмарго был вынужден вернуться назад во владения братьев Писарро. Возвратясь из тяжелейшего похода с пустыми руками, эти воины во главе со своим командиром считали себя обманутыми и жаждали мести. В начавшейся между конкистадорами гражданской войне вокруг Куско группировка Альмарго получила название «людей из Чили», или «чилийцев», а та земля, которую испанцам после длительной и кровавой войны в итоге удалось захватить у арауканос, так и сохранила за собой это арауканское название.

После гибели Диего Альмарго в междоусобной войне Франсиско Писарро передал право на завоевание Чили Педро де Вальдивиа, который вступил в эти земли в 1540 году,

где через год основал форт Сантьяго, но вынужден был остановиться в своём продвижении на юг перед лицом ожесточённого сопротивления арауканос на рубеже реки Био-Био. В течение десяти последующих лет Вальдивиа даже не решился продолжить свои завоевания, и лишь после 1550 года ему с большим трудом и ценой немалых потерь удалось основать несколько изолированных фортов, в том числе и Консепсьон. Но уже в 1553 году непокорные арауканцы во главе со своим талантливым военным вождём Лаутаром снова поднялись против испанцев. Эта война была очень подробно и поэтично описана в большом классическом произведении испанской литературы эпохи Ренессанса «Араукана», автор которого Хуан дель Энсина, хотя и был её непосредственным участником на стороне завоевателей, со всей силой своего огромного таланта воспел в стихах благородство и бесстрашие арауканос.

В ходе этой войны они смогли захватить и разрушить несколько испанских укрепленных поселений, взять в плен, а затем и казнить самого Вальдивиа. Его имя было позднее присвоено одному из крупных чилийских городов. Завоевание Чили удалось несколько закрепить к концу 1550-х годов лишь новому губернатору маркизу Гарсиа де Мендоса. Впоследствии Мендоса был назначен вице-королём в Перу, а его титул дал название группе островов Тихого океана – Маркизам, случайно открытым тогда же отважным испанским мореплавателем Менданья на пути из Перу в поисках легендар-

ного и ещё не найденного европейцами Южного континента – Новой Голландии, переименованного позднее в звучную Австралию. Умело приспособиваясь к изменяющимся обстоятельствам и меняя военную тактику, арауканцы продолжали свою вооружённую борьбу до 1880-х годов – уникальное явление в истории колонизации Американского континента...

Итак, покинув перуанскую столицу, через несколько часов полёта над прибрежной тихоокеанской полосой вдоль постоянно сопровождавших нас величественных андийских хребтов я прибыл в Сантьяго-де-Чили. Этот город почти со всех сторон окружён горами, и при посадке на его аэродром самолёты, не имея прямого доступа к посадочной полосе, должны выписывать постепенно снижающиеся к земле спирали.

Не имей сто эскудо... Перед моим отъездом из Нью-Йорка мой чилийский коллега Мардонес, узнав, что я собираюсь побывать в Чили, обратился ко мне с просьбой передать его другу в Сантьяго американский слуховой аппарат самой последней модели, который помещался в дужке очков и был почти не заметен для окружающих. По его словам, в Чили тогда подобных аппаратов ещё не было, и даже более старые модели стоили очень дорого. Я с готовностью согласился выполнить просьбу моего коллеги, который в благодарность за эту услугу заверил меня, что его друг встретит мой рейс, отвезёт меня в гостиницу и окажет мне всякое необходимое

содействие. Когда же я вышел в зал встречающих терминала чилийской столицы, то сразу же увидел мужчину и женщину, ожидавших меня с листом бумаги, на котором значилось моё имя. Это и был друг Мардонеса Пабло со своей милой женой. Мы познакомились и тут же поехали в мою гостиницу в самом центре города.

Пабло, как оказалось, был не только экспансивным и разговорчивым человеком, который сразу же превратился в моего гида по своему любимому Сантьяго, но и вице-председателем радикальной партии Чили, т.е. важным членом парламента страны. В этой связи надо отметить, что в отличие от других государств Латинской Америки, где за исключением Мексики и Уругвая тогда правили военные хунты или диктаторы, в Чили процветала настоящая буржуазная демократия. Здесь социалисты и коммунисты представляли собой серьёзную политическую силу, о чём говорили и многочисленные флаги, плакаты и транспаранты этих и других многочисленных партий, развешанные или расклеенные по всему городу. Активная политическая жизнь страны сразу бросалась в глаза, а комментарии моего нового чилийского знакомого, погружённого в самую её гущу, почти с ходу ввели меня в курс её основных проблем и событий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.